

Церемониал приема супруг дипломатов при российском императорском дворе восемнадцатого века*

Арина Новикова

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»,
Москва, Россия

The Ceremony of Receiving Ambassadors at the Russian Court of the Eighteenth Century**

Arina Novikova

HSE University,
Moscow, Russia

During the seventeenth and eighteenth centuries, the European system of international relations underwent significant changes, marked by the institutional development of diplomatic services and the establishment of more coherent diplomatic ceremonials. Resident embassies became common, introducing the presence of female relatives of diplomats who actively participated in the life of the diplomatic corps. The growing presence of ambassadors played a transformative role in early modern diplomatic culture, contributing to the development of gendered diplomatic ceremonials. Drawing on relevant approaches to the study of the 'new diplomatic history' and using archival material from the Archive of the Foreign Policy of the Russian Empire, this article examines the diplomatic ceremonial of ambassadorial spouses at the eighteenth-century Russian court. It examines the presentation of ambassadors' wives at court, the implementation of protocol, and issues of etiquette that became sources of contention between 'ambassadors' and the St Petersburg court, as well as methods of conflict resolution. The study of the reception ceremony for

---

* Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

** *Citation*: Novikova, A. (2024). The Ceremony of Receiving Ambassadors at the Russian Court of the Eighteenth Century. In *Quaestio Rossica*. Vol. 12, № 2. P. 557–570. DOI 10.15826/qr.2024.2.895.

Цитирование: Novikova A. The Ceremony of Receiving Ambassadors at the Russian Court of the Eighteenth Century // *Quaestio Rossica*. 2024. Vol. 12, № 2. P. 557–570. DOI 10.15826/qr.2024.2.895 / Новикова А. Церемониал приема супруг дипломатов при российском императорском дворе восемнадцатого века // *Quaestio Rossica*. 2024. Т. 12, № 2. С. 557–570. DOI 10.15826/qr.2024.2.895.

'foreign ladies' reveals that, although it was governed by legal norms, it depended heavily on the Russian monarch's personal attitude towards the ambassador and ambadress, as well as the country they represented.

Keywords: European diplomacy, diplomatic ceremonial, Russian court, women in diplomacy, history of 18th-century Russia

В период XVII–XVIII вв. в европейской системе межгосударственных отношений произошли значительные изменения. Институты дипломатии развивались и совершенствовались: краткосрочные посольские миссии сменились постоянными представительствами, сформировался более устойчивый порядок коммуникации внутри европейского сообщества, роль дипломатических представителей выросла. Другим новшеством стало включение в дипломатический процесс женщин, сопровождавших послов, которые принимались официально в соответствии со специальными протоколами. На основании корпуса документов АВПРИ в статье рассматриваются создание и эволюция протокола приема «посольш», их привилегии и участие в придворной жизни, а также этикетные коллизии между дипломатическим корпусом и петербургским двором. Анализ церемониала приема «чужестранных дам» показал, что он хотя и регулировался правовыми нормами, но сильно зависел от личного расположения российского правителя к дипломату и его спутнице, а также стране, которую они представляли.

Ключевые слова: европейская дипломатия, дипломатический церемониал, российский двор, женщины в дипломатии, история России XVIII в.

Начиная с рубежа XVII–XVIII вв. послы стали находиться при иностранных дворах на регулярной основе. В связи с этим дипломаты чаще отправлялись в посольства вместе с супругами, сестрами и другими членами семьи, которые содействовали им в дипломатической миссии.

Статус дипломата соответствовал положению его правителя среди европейских государей, а также его рангу. К первому рангу относился посол (*ambassador*), ко второму – посланник (*envoy*) и полномочный министр (*minister plenipotentiary*) [см. об этом: *Cultures of Power in Europe*]. Хотя представители и первой, и второй категории получали аккредитацию при самих монархах, то есть обладали «характером»¹, их статус и форма приема различались. Министры третьего ранга «характера» не имели. С увеличением числа сопровождавших дипломатов дам встал вопрос об их правовом положении. По этикету большинства европейских дворов они удостоивались почестей, соразмерных рангу посла [Мозер, с. 17–28]. Только супруга дипломата могла официально сопровождать его в посольстве и быть принятой при дворе. Однако известны исключения, когда не жена, а сестра, дочь, а порой даже лю-

¹ Дипломат «был облечен *представительным характером*» (фр. «*caractère repréentatif*»), что означало предоставление ему полномочий вести официальные переговоры от имени своего правителя [см.: Агеева, с. 25–26].

бовница отправлялись в миссию [Bély]. Согласно официальным источникам, дама, приехавшая с послом, *a priori* принималась как супруга и обозначалась в документах как «посольша», если сопровождала дипломата первого ранга, и как «посланница», если второго².

Будучи официальным представителем своего государя, дипломат общался с высшими лицами дворов, постигал посольский церемониал, готовил проекты договоров, искал необходимую информацию и поставлял ее к своему двору. «Посольши», в отличие от своих мужей, не получали «характера», поэтому выступали в закулисной работе посольств в качестве «теневых игроков», способных раздобыть важную информацию и использовать свой шарм для заведения полезных знакомств [Bély, p. 994]. Французский государственный деятель XVII в. Ф. Кальер писал, что женщины «имеют не меньше способностей для отправления посольских должностей, чем мужчины» [цит. по: Борисов, с. 241]. На практике «посольши» нередко получали отдельные задания от своего правительства [Новикова]. К примеру, секретарь Людовика XIV советовал супруге французского посла в Лондоне проявить любезность к фаворитке короля Карла II. Через жену посла французский двор надеялся получить расположение влиятельной леди Каслмейн и самого короля [Шикуло].

Дипломатическая деятельность всегда носила ярко выраженный ритуальный характер. В Новое время формировался единый символический язык коммуникации между европейскими странами, а также церемониалы, регулировавшие взаимоотношения между дворами и дипломатическим корпусом³ [Cultures of Power in Europe, p. 58–85]. В условиях иерархизированности общества церемониал позволял обеспечивать лицам, занимавшим высокое социальное положение, прерогативы и привилегии, необходимые для успешного выполнения своих обязанностей, а также служил механизмом утверждения уровня взаимоотношений между странами. Постепенно при европейских дворах создавались и отдельные дипломатические протоколы, регулировавшие правила приема «посольш» [Kühnel, p. 138]. Несмотря на существование общих принципов дипломатии (например, использование французского языка в качестве международного, сходная иерархия дипломатов⁴), в XVIII в. европейские государства сохраняли и собствен-

---

² Вслед за имеющимися историческими источниками в статье приводятся обобщения, и, помимо исключительных случаев, «посольши» и «посланницы» обозначаются как *супруги* дипломатов.

³ В работе дипломатический церемониал определяется как «совокупность общепринятых правил, традиций и условностей, соблюдаемых правительствами, ведомствами иностранных дел, дипломатическими представительствами и официальными лицами в международном общении» [Агеева, с. 6]. *Церемониал и протокол* понимаются как синонимы.

⁴ Иерархия дипломатических представителей в европейских странах в XVIII в. была сходная, но не идентичная. Только в начале XIX в. после Венского конгресса началась законодательная унификация рангов и наименований дипломатов. См. об этом: [Котова].

ные этикетные нормы, порой противоречившие положениям церемониалов соседних стран. Нередко это приводило к конфликтам между дипломатическим корпусом и двором [Петрова, с. 66].

История дипломатии в последние десять лет значительно преобразилась под влиянием работ, опирающихся на культурно-антропологический подход [см., например: Агеева; Смилянская]. Однако и в зарубежной, и в отечественной историографии протокол приема супруг дипломатов рассматривается преимущественно в контексте изучения отдельных церемоний, жизни двора и дипломатии в целом, хотя роль женщин в дипломатическом процессе в Европе Нового времени неуклонно росла [Hufton, p. 8]. Хранящиеся в АВПРИ документы церемониальной канцелярии и Коллегии иностранных дел (далее – КИД) позволяют реконструировать процесс создания дипломатического церемониала приема спутниц дипломатов, практики его применения, а также возникавшие церемониальные конфликты и способы их решения⁵.

Дипломатический церемониал в России до 1744 г.

В начале XVIII в. внешнеполитические цели Петра I были направлены на интенсификацию контактов России с Западной Европой. Важнейшими составляющими реформы внешнеполитического дела стали учреждение за границей постоянных представительств и принятие тех этикетных норм дипломатической жизни, которые были свойственны Европе. Хотя в законченном виде протокол в первые десятилетия XVIII в. так и не был создан, в правление царя-преобразователя появились новшества, которые обозначили направление дальнейших изменений. К середине столетия петербургский двор вполне успешно освоил дипломатическую культуру Запада [Агеева, с. 188].

Что касается протокола, устанавливавшего правила отношений с «посольшами», в России до 1744 г. их приезд был редкостью, а форма приема определялась принципом «характер репрезентующего принадлежит токмо послам, а не супругам их». «Посольши» представлялись ко двору исключительно по собственной просьбе и «без всякой аудиенции». Первый в делопроизводственной документации прием «посольши» был зафиксирован в 1726 г., когда во дворце приняли супругу шведского чрезвычайного посла «графиню Цедергельмову» [АВПРИ. Ф. 2. Оп. 2/1. Д. 1571. Л. 88 об., 335 об.]. Несколько лет правления Петра II, согласно воспоминаниям супруги британского дипломата Т. Уорда (более известной как леди Джейн Рондо), ознаменовались отсутствием приемов: «императора редко видим; при его дворе не бывает собраний, и, кажется, он ничего не любит, кроме охоты» [Рондо, с. 99]. В аннинское время во дворце проходили официальные

---

⁵ В работе использована отложившаяся в АВПРИ часть источников церемониального подразделения Иностранной коллегии. Основная часть архива церемониальной части находится в Санкт-Петербурге [РГИА. Ф. 473].

приемы, организовывались балы и маскарады, куда приглашались «чужестранные министры». Но ни в личных источниках, ни в делопроизводственных документах КИД не найдено описаний порядка приема «посольш». Взаимодействие двора с супругами дипломатов проходило, как правило, на неформальном уровне. Так, императрица Анна Иоанновна, встретив в церкви на церемонии отпевания Петра II леди Уорд, сказала ей «несколько лестных слов и пригласила к своему двору» без аудиенций и официальных извещений [Рондо, с. 113].

Первое детальное описание приема супруги дипломата связано с прибытием в Россию в 1743 г. польского чрезвычайного посланника графа И. Огинского вместе с женой. В условиях отсутствия протокола, касавшегося иностранных дам, графиня столкнулась со сложностями. Согласно запискам представителей КИД⁶, «по обыкновению» сразу по приезде дипломаты и первого, и второго ранга должны были посетить вице-канцлера и обер-церемониймейстера, потом принять их у себя, согласовать с обер-церемониймейстером дату аудиенции во дворце, а с вице-канцлером – речь императрице. После приема посла его жена по желанию императрицы могла быть ею принята.

В марте 1743 г. граф с графиней и «свитой в тридцать восемь человек» приехали в российскую столицу. Через три дня в посольский дом с визитом прибыл обер-церемониймейстер Ф. М. Санти и назначил посольскую аудиенцию на середину апреля. Графиня Огинская тоже изъявила желание представиться императрице, чтобы «было позволение ко двору ездить». Однако «посланница» получила от Санти решительный отказ. В записке императрице обер-церемониймейстер описал возникшую у Огинских коллизию и посоветовал на незнание графиней этикетных норм. Просьба получить прием во дворце была воспринята бестактной, «понеже муж ее еще не получил первой аудиенции». После нескольких дней обсуждений и согласований Елизавета Петровна распорядилась, чтобы после представления графа «госпожа Огинская для первого разу в ее императорского величества спальню чрез статс-даму без всякой церемонии представлена была, а потом и всякий день, как куртаг⁷ при дворе, могла ездить» [АВПРИ. Ф. 2. Оп. 2/1. Д. 1572. Л. 135].

После аудиенции у правительницы послу предписывалось уведомить о приезде лиц первых четырех классов⁸. «Посольша» же должна была направить извещение о себе первым российским дамам (то есть супругам представителей первых классов) и ждать от них визитов.

---

⁶ В системе подразделений КИД всегда существовали структуры, отвечавшие за церемониальную сторону межгосударственных отношений. В 1720-х гг. появился чин обер-церемониймейстера, в 1744 г. внутри КИД появилось специальное подразделение – церемониальное ведомство [Агеева, с. 50].

⁷ Куртаг – (*от фр. cour* – двор, и *нем. Tag* – день). Выход при дворе, приемный день.

⁸ Списки по гражданским чинам первых четырех классов представляли собой перечни чиновников, разделенных по классам, а внутри последних – по старшинству производства в чин [Шилов, с. 1106].

Сантис записал, что «Огинская ожидала к себе первого визита от статс-дам... [но] государыня изволила указать, чтоб первого визита Огинской не отдавать», пока «посланница» не сделает «обсылки»⁹. Графиня, не желая вступать в конфликт, подчинилась требованию российского двора [АВПРИ. Ф. 2. Оп. 2/1. Д. 1572. Л. 135 об. – 136 об.].

Одним из важнейших элементов символической коммуникации было приглашение к императорскому столу. «Чужестранные министры», удостоившиеся чести отобедать с правителем, небезосновательно могли интерпретировать это как жест особой милости. Супруги дипломатов почти не приглашались трапезничать с императрицей и редко приглашались к столу с придворными дамами. Как правило, они обедали вне стен дворца. В день празднования коронации 25 апреля 1743 г. Елизавета Петровна указала послам и их супругам трапезничать «у его сиятельства вице-канцлера графа А. П. Бестужева-Рюмина» вместе с некоторыми российскими знатными особами. Графиня Огинская сочла это не соответствующим своему статусу и обратилась к обер-церемониймейстеру с просьбой, «чтоб ей позволено было кушать при дворе со статс-дамами». «Посланница» апеллировала к случаю своего приезда ко двору Анны Иоанновны почти десятью годами ранее, когда графиню, по ее словам, постоянно приглашали к императорскому столу вместе со всеми. Огинская получила отказ. По словам Сантиса, «сие противно употреблению всех дворов европейских», и графиня должна «кушать у [вице-канцлера] с прочими супругами иностранных министров». Через несколько месяцев на празднество тезоименитства великого князя Петра Федоровича императрица поручила обер-церемониймейстеру объявить Огинской, что «посланнице» позволено сесть за столом с императрицей напротив статс-дам. Сантис добавил, что это разрешение дано исключительно из личной благосклонности Елизаветы Петровны, «чтоб впредь за консенденцию то считаться не могло, понеже министров второго ранга супругам того требовать нельзя». Но радость «посланницы» была недолгой. В день празднования императрица передумала и посадила Огинскую «на нижнем конце стола» [АВПРИ. Ф. 2. Оп. 2/1. Д. 1572. Л. 136–136 об., 146–148].

Случай приезда в Санкт-Петербург польского графа Огинского с супругой показал, что «посланница» не была извещена о протоколах двора. Более того, судя по количеству обсуждений различных церемониальных вопросов, о них не знали и чиновники КИД. В связи с отсутствием постоянной формы церемониала все решения принимались в частном порядке и зависели исключительно от благосклонности правительницы, поэтому приходилось составлять бесконечное число протоколов для каждого отдельного дипломата, подавать их на подпись императрице, разрешать споры о том, кто каким образом был принят и чья честь при этом была задета.

---

⁹ Обсылка – предварительное уведомление о намерении совершить визит к лицу.

Создание церемониала

Увеличение количества конфликтов, связанных с приемами западноевропейских дипломатов, показало, что начатый Петром путь европеизации российского двора было необходимо продолжить документальным утверждением церемониала. Его создание было возложено на обер-церемониймейстера Ф. Санти, церемониймейстера Ф. Веселовского и членов КИД [Агеева, с. 189]. В апреле 1744 г. Елизавета Петровна подписала первый в России указ, устанавливавший нормы дипломатического церемониала. Документ состоял из пяти частей и 98 пунктов, из которых п. 92, 94 и 95 определяли правила пребывания при дворе спутниц послов [ПСЗ-1, т. 12, № 8908].

Найденные черновые версии церемониала позволяют проанализировать процесс его составления и «источники вдохновения» церемониймейстеров – варианты этикетных правил европейских дворов. Форма представления супругов дипломатов была «подобна тому, которая при бывшем римско-императорском дворе отправлялась». Как в Вене, так и в Санкт-Петербурге «посольш» принимали «без всякой отменной церемонии», то есть дамы не получали публичной аудиенции, более простыми были правила их прибытия во дворец и передвижения внутри дворца, а в зале, где проходил прием, не присутствовали все придворные чины. В приписке к черновому варианту документа указано: «при дворах французском и английском прием посольских супругов с полною церемонией отправляется, что при здешнем дворе кажется быть неприлично» [АВПРИ. Ф. 2. Оп. 2/1. Д. 1572. Л. 148, 335].

В 92-м пункте протокола указаны основные принципы приема. Если «посольша» желала быть представленной императрице, она должна была «о том дать знать обер-гофмейстерине, которая назначит ей час аудиенции». После этого к установленному времени даме предписывалось приехать на своем экипаже во дворец. У подъезда ее встречал гоф-фурьер и провожал до антикамеры, где находились придворные дамы. Оттуда «посольша» с обер-гофмейстериней (или заменявшей ее статс-дамой) следовали в покои правительницы, где та без церемонии принимала супругу «чужестранного министра» [Там же. Л. 334 об., 335]. Хотя в церемониале не были выделены правила, касавшиеся супруг представителей второго ранга, «посланницы» также представлялись императрице, но по упрощенному протоколу. Для них не предусматривалось выделения специального времени. Обычно спутница посланника получала партикулярную (приватную¹⁰) аудиенцию перед балом, маскарадом, куртагом или театральным представлением в статс-дамской или кавалергардской комнате «без особых церемоний» [Агеева, с. 283]. Сразу же после аудиенции

---

¹⁰ В русскоязычных источниках XVIII в. понятия «партикулярная аудиенция» и «приватная аудиенция» иногда использовались как синонимы. Но в 1745 г. было четко определено, что партикулярная аудиенция является разновидностью приемной и отпусной (отличалась от публичной аудиенции), а приватная является собранием по текущим вопросам «в продолжение... министерства» дипломатов [Агеева, с. 796–797].

у императрицы и «посольша», и «посланница» получали прием у великого князя и великой княгини.

Церемониал предписывал супруге дипломата (и первого, и второго рангов) «о себе объявить дамам здешних первых особ», затем «учинить первый визит» обер-гофмейстерине. Получив уведомления от «посольши» или «посланницы», петербургские представительницы первых классов могли посетить посольский дом. В церемониале закреплялось, что первой о себе известить должна именно «посольша», а до этого «никакой даме и ехать к ней не надлежит». Данная норма была заимствована из французского этикета, где «посольские супруги больше уже в отдавании первого визита герцогиням и фельд-маршальским женам затруднение не чинят» [АВПРИ. Ф. 2. Оп. 2/1. Д. 1572. Л. 335–335 об.].

96-й пункт протокола устанавливал, что после совершения всех описанных ритуалов супруги дипломатов получали возможность «как в куртаги, так и в случающиеся торжества по своему благоизобретению... без всякой отменной чести к ее императорскому величеству на поклон приезжать» [Там же. Оп. 2/6. Д. 5545. Л. 30 об., 35]. В иерархии двора «посольша» занимала почетное второе место сразу за главной придворной дамой, обер-гофмейстериной. На практике самовольный проезд во дворец был запрещен. Накануне придворных торжеств иностранные министры и их супруги получали так называемые повестки (специальные приглашения) от церемониальной конторы. Право участвовать в придворных собраниях имели лишь адресаты повесток [Там же. Оп. 2/1. Д. 1572. Л. 335 об.].

Но и после документального утверждения церемониала в России строгость соблюдения правил продолжала зависеть от воли монарха. Ярким примером этому стали приемы супруги польского посланника графа К. З. Арнима в Вене и Санкт-Петербурге. В Вене графиня Арним как супруга дипломата второго ранга была представлена только эрцгерцогам и эрцгерцогиням, а не императрице-королеве, и в последующих придворных торжествах не занимала почетного места за столом с Марией Терезией. В России польская «посланница» принималась с особой честью, равной той, что оказывалась «посольшам» [см.: Камер-фурьерский церемониальный журнал 1750 года, с. 71–74, 79].

Целование руки императрице и связанные с этим конфликты

Три пункта «артикула» 1744 г., регламентировавшие вопросы приема «посольш», описывали церемониал поверхностно и позволяли трактовать этикетные нормы петербургского двора весьма широко. В документе не были прописаны некоторые сохранившиеся «старомосковские» обычаи, которые не имели аналогов в церемониале прочих дворов Европы. Нередко на этом фоне «посольши», прибывавшие в Россию, сталкивались со сложностями. В основном коллизии возникали вокруг ритуала пожалования к руке императрицы. Целование руки казалось

иностранным дамам едва ли не оскорбительным «варварским пережитком», российский же двор рассматривал ритуал как непременное условие для начала любого посольства [Смилянская, с. 1261].

В октябре 1761 г. из КИД в церемониальный департамент поступила записка с описанием инцидента, возникшего во время представления супруги испанского полномочного министра и французской «посольши». Они отказались целовать руку великой княгини Екатерины Алексеевны [АВПРИ. Ф. 2. Оп. 2/1. Д. 1573. Л. 129]. Для разрешения спора обер-церемониймейстер собрал и представил доказательства «такого здешнего обыкновения, что супруги чужестранных министров» при аудиенции должны целовать руку императрицы и великой княгини. Первый упомянутый чиновником казус произошел в 1726 г., когда супруга шведского чрезвычайного посла при первом ее представлении целовала руку не только императрицы Екатерины I, но и «также у ее императорского высочества принцессы Анны». Тех же правил держалась «посланница» Лефорт в правление Анны Иоанновны. В елизаветинское время графиня Огинская «желала ведасть о здешнем этикете, что по оному делать надлежит во время представления», и после разъяснений обер-церемониймейстера «оная госпожа нимало не усомнилась поступить по здешнему этикету и целовала ее величества руку». В 1747 г. «графиня Финкенштейнова», супруга прусского полномочного министра, в 1750 г. «госпожа Арнимова», супруга польского полномочного министра, в 1756 г. супруги датского посланника Гакст-Гаузена и голландского посланника Мейертса Гахгена также «не учинили ни малейшего затруднения» в соблюдении этикета целования руки. Обер-церемониймейстер подытожил, что уже «35 лет сей этикет нерушимо постановлен при российском императорском дворе, так и впредь поступать надлежит» [Там же. Д. 1571. Л. 88–90]. В итоге вопрос о нарушении «посольшами» церемониала встал на повестку дня во время конференции у канцлера М. И. Воронцова с дипломатическим корпусом 19 октября 1761 г. [Там же. Д. 1573. Л. 129]. Неизвестно, какие из перечисленных дам решились (и решились ли) целовать руку императрицы, но известно, что в случае отказа путь во дворец им был закрыт.

Несмотря на описанную коллизию, в церемониал так и не были включены положения об обязанности «посольш» целовать руку императрицы и великой княгини. В правление Екатерины II к протоколу приема «посольш» и «посланниц» вернулись вновь. Толчком к этому стало представление в 1768 г. супруги британского посла Ч. Каткарта. Ритуал целования «посольшей» руки императрицы стал предметом серьезных дискуссий между лондонским и петербургским дворами и едва не стал камнем преткновения в российско-британских отношениях [Смилянская]. В результате переговоров обязательность целования руки при представлении была зафиксирована в «Декларации Министра Российской империи британскому послу Каткарту по случаю представления госпожи *ambassadrice*» 1768 г. [АВПРИ. Ф. 2. Оп. 2/6. Д. 5545. Л. 30 об.].

С обновлением церемониала в дипломатической культуре России все заметнее стали «женские роли». В конце 1777 г. в Россию прибыл британский посланник Джеймс Гаррис вместе с супругой Харриет и сестрой Кэтрин. И «посланница», и сестра посланника получили аудиенцию у Екатерины II. Сестра дипломата описала аудиенцию в дневнике, заметив, что пожатие руки – привычный распространенный ритуал для российского двора, не показавшийся ей неожиданностью, и обе дамы без сомнения целовали руку императрицы [ТНА. ПРО 30/43. Dos. 11. Ф. 12]. Обычно после завершения церемонии при «большом дворе» происходило представление их высочествам, но великая княгиня была нездорова в связи с беременностью, и эту часть церемонии отложили почти на месяц. В конце января 1778 г. обер-гофмейстерина назначила аудиенцию у Марии Федоровны, руку которой и Харриет, и Кэтрин также целовали. Только на следующий день Кэтрин и Харриет вместе с супругой датского посланника генерал-майора фон Алефельда отдали визиты «дамам первых особ» и получили возможность быть при дворе [АВПРИ. Ф. 2. Оп. 2/6. Д. 5545. Л. 10 об.].

На первый взгляд, случай пребывания Гаррисов в России не кажется примечательным, однако дипломатический прием во дворце не только супруги, но и сестры посланника не соответствовал этикетным нормам ни одного европейского двора. Описанный казус доказывает, что при петербургском дворе во второй половине XVIII в. церемониалу следовали не строго, а торжественность приема (и вообще его наличие) зависела не от положения в иерархии дипломатов и их спутниц, а от личной благосклонности императрицы.

Отпускная аудиенция дипломата и его супруги

Последние разделы церемониала 1744 г. устанавливали порядок «отпуска» дипломатов. Протокол предусматривал сходство первой и прощальной аудиенций, поэтому форма последней детально не расписывалась. Дипломат по окончании миссии отдавал формальные прощальные визиты («visites de congé») канцлеру, вице-канцлеру и «прочим знатным особам», затем «раскланивался» при дворе [АВПРИ. Ф. 2. Оп. 2/6. Д. 5545. Л. 30–31]. Источники показывают, что практически все, кто представлялся императрице (в том числе и супруги дипломатов), «отпускались» по церемониалу первой аудиенции.

Обстоятельное описание церемонии содержится в дневнике сестры британского посланника Кэтрин Гаррис. Так как супруга дипломата была нездорова и не смогла отправиться ко двору, в Царское Село на отпускную аудиенцию Джеймс отправился только с сестрой. За неделю до отъезда в августе 1783 г. к 9 часам утра Гаррисы прибыли в летнюю резиденцию императрицы. Во дворце Джеймса встретил вице-канцлер И. А. Остерман, а Кэтрин – статс-дама Е. Р. Дашкова, заменявшая заболевшую обер-гофмейстерину. Княгиня провела англичанку в покои императрицы. Пока Екатерина отсутствовала,

принимая Джеймса в другой комнате, мисс Гаррис ожидала ее вместе с другими придворными. Вернувшись в свои покои, императрица любезно приняла мисс Гаррис и пожаловала «посланницу» к руке. Затем Гаррисов, каждого по отдельности, пригласили отобедать с императрицей [Камер-фурьерский церемониальный журнал 1783 года, с. 427]. После застолья фрейлина великой княгини отвела Кэтрин для «раскланивания» в покои малого двора, где после непродолжительной беседы мисс Гаррис целовала руку великой княгини. На этом все прощальные церемонии при дворе были завершены. В нижнем этаже в апартаментах Дашковой Кэтрин ожидал брат, вместе с которым они покинули дворец и вернулись домой около пяти часов вечера [TNA. PRO. 30/43. Dos. 19. F. 60–60 r.]. Описанная церемония «откланивания» позволяет выделить четкое разграничение сфер «женского» и «мужского» в церемониале. Джеймс Гаррис ни разу не пересекся с сестрой в царскосельском дворце, и даже за обеденным столом они располагались отдельно. Встретиться они могли лишь на нижних этажах.

После отпускной аудиенции обер-церемониймейстер относил послу отзывную грамоту от правящей особы и подарок. Обычай делать презенты дипломатам, чья миссия завершалась, был неотъемлемой частью отпускной церемонии почти всех европейских дворов. Подарки для спутниц дипломатов были проявлением благосклонности, но не являлись обязательными. Так, в 1735 г. Анна Иоанновна подарила польскому дипломату графу Завише 6 тыс. руб., а его супруге – портрет с бриллиантами. В 1740 г. тот же «отпускной подарок» получил польский посланник Огинский, а его жена – «соболий мех и всякие персидские и китайские парчи» [АВПРИ. Ф. 2. Оп. 2/6. Д. 5552. Л. 2–2 об., 7–7 об.].

Указом от 20 февраля 1745 г. закреплялся порядок выплат «презентных денег», а их размер определялся рангом дипломата [Там же. Д. 3425. Л. 46]. Посол получал 8 тыс. руб., посланник – 6 тыс. руб., а представители третьего ранга – 3 тыс. руб. Также выплата в размере 600 руб. полагалась секретарю посольства. Деньги «отпускались» по именному указу из статс-конторы. В случае особой милости монархини к денежной выплате прибавлялись другие ценные дары: меха, драгоценности и т. п. В отношении супруг дипломатов Елизавета Петровна не была щедра. В документе «о даче отпускных денег» не упоминается ни одна «посольша», кроме «вдовы римско-императорского резидента Гогенгольца» [Там же. Д. 5552. Л. 14, 18–18 об.]. Н. С. Гогенгольц более 20 лет фактически руководил миссией в условиях постоянной смены послов и в их отсутствие, поэтому презент в виде бриллиантового перстня и 2 тыс. руб. был знаком уважения к покойному супругу. Уже упомянутому графу Огинскому достался «обыкновенный посланнический подарок» в 6 тыс. руб. Что получила графиня, и получила ли что-то, остается неизвестным [Там же. Оп. 2/1. Д. 1571. Л. 13 об.].

Порядок «дачи отпускных презентов» сохранился и при Екатерине II, но императрица была более щедрa. Согласно дневнику Кэтрин Гаррис, по окончании миссии ее брату-посланнику, помимо «ординарного подарка» в 6 тыс. руб., досталась табакерка с портретом императрицы в бриллиантовой оправе ценой 4 тыс. руб. Мисс Гаррис же была пожалована большим бриллиантом ценой 2 800 руб. [TNA. PRO. 30/43. Dos. 19. F. 63 r.].

* * *

Европеизация российского дипломатического протокола в XVIII в. и включение в него правил приема супруг «чужестранных министров» создали благоприятную обстановку для коммуникации с европейскими странами. Увеличение количества делопроизводственной документации по вопросам, связанным с церемониалом приема «посольш», говорит не только о распространении практики сопровождения западноевропейских дипломатов женщинами, но и о том, что роль дам в дипломатии стала заметнее. И хотя «посольша» не представляла монарха, ее положение при дворе зависело от статуса мужа, но с увеличением участия супруги посла в дипломатическом процессе и дворы, и дипломатический корпус стали более внимательно наблюдать за символическим языком церемониала. Конфликтам, возникавшим на фоне различий в приеме иностранных дам при петербургском дворе, уделяли больше внимания, а их разрешение происходило на высшем уровне.

Этикетные нормы в России в XVIII столетии нередко зависели от расположения монаршей особы к государству, которое представлял дипломат, а также от личного отношения к посольской семье. Однако описанные в настоящей статье проблемы, связанные с приемом «посольш» и «посланниц», свидетельствует об изменениях в восприятии роли женщины в общественной жизни России. Так, императрица могла принять приятную для нее в общении «посланницу» с большими почестями, нежели не столь располагавшую к себе «посольшу», хотя церемониал предполагал обратное.

Библиографические ссылки

Агеева О. Г. Дипломатический церемониал императорской России. XVIII век. М. : Новый хронограф, 2012. 928 с.

АВПРИ. Ф. 2. Оп. 2/1. Д. 1571–1573; Оп. 2/6. Д. 5545, 5552.

Борисов Ю. В. Рец. на кн.: Кальер Ф. Каким образом договариваться с государями // Новая и новейшая история. 2002. № 5. С. 240–243.

Камер-фурьерский церемониальный журнал 1750 года. СПб. : Тип. Гл. упр-я уделов, 1857. 160 с.

Камер-фурьерский церемониальный журнал 1783 года. СПб. : Тип. Гл. упр-я уделов, 1882. 748 с.

Котова Е. В. Венский регламент о рангах дипломатических представителей 1815 г.: причины принятия и его значение // История : электрон. науч.-образоват.

журн. : [сайт]. 2023. Т. 14, № 9 (131). URL: <https://history.jes.su/s207987840028130-2-1/> (дата обращения: 01.12.2023). DOI 10.18254/S207987840028130-2.

Мозер Ф.-К. фон. Женщина-посол и супруга посла: их права / пер. с фр. Е. Н. Даютовой. М. : Науч. кн., 2007. 192 с.

Новикова А. Д. Официальная дипломатия и неформальные связи при дворе Екатерины II: посольство Джеймса Гарриса в Россию // Новая и новейшая история. 2021. Т. 65, № 5. С. 127–139. DOI 10.31857/S013038640014894-1.

Петрова М. А. Опыт разрешения церемониальных конфликтов до принятия Венского регламента 1815 г. (по материалам российской дипломатической переписки) // 200 лет венского системе: проект и практика европейской дипломатии : материалы IX Конвента РАМИ. М. : МГИМО-Ун-т, 2016. С. 65–76.

ПСЗ. Собр. 1. Т. 12.

Рондо Дж. У. Письма леди Рондо, жены английского резидента при русском дворе в царствование императрицы Анны Ивановны / ред. и прим. С. Н. Шубинского. М. : Изд-во Гос. публ. ист. б-ки России, 2016. 284 с.

РГИА. Ф. 473. Оп. 1–3.

Смилянская Е. Дипломатический церемониал при дворе Екатерины II // *Quaestio Rossica*. 2020. Т. 8, № 4. С. 1255–1273. DOI 10.15826/qr.2020.4.526.

Шиколо М. И. Французские послы при иностранных дворах во второй половине XVII–начале XVIII в.: репрезентация королевской власти // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 8: История*. 2019. № 6. С. 25–42.

Шилов Д. Н. Формулярные списки руководителей ведомств и членов Государственного совета: проблема достоверности источника // *Quaestio Rossica*. 2022. Т. 10, № 3. С. 1104–1120. DOI 10.15826/qr.2022.3.718.

Bély L. Women in Diplomacy: The Ambassadors Seen by Friedrich Carl von Moser // *The Intern. History Rev.* 2021. Vol. 44, № 5. P. 990–1003. DOI 10.1080/07075332.2021.1934071.

Cultures of Power in Europe during the Long Eighteenth Century / ed. by H. Scott, B. Simms. Cambridge : Cambridge Univ. Press, 2007. 382 p.

Hufton O. Reflections on the Role of Women in the Early Modern Court // *The Court Historian*. 2000. Vol. 5, № 1. P. 1–13. DOI 10.1179/cou.2000.5.1.001.

Kühnel F. 'Minister-like cleverness, understanding, and influence on affairs': Ambassadors in Everyday Business and Courtly Ceremonies at the Turn of the Eighteenth Century // *Practices of Diplomacy in the Early Modern World c. 1410–1800* / ed. by T. A. Sowerby, J. Hennings. L. : Routledge, 2017. P. 130–146.

TNA. PRO. 30/43. Dos. 11, 19.

References

Ageeva, O.G. (2012). *Diplomaticeskii tseremonial imperatorskoi Rossii. XVIII vek* [Diplomatic Ceremonial of Imperial Russia: 18th Century]. Moscow, Novyi khronograf. 928 p.

AVPRI [Archive of the Foreign Policy of the Russian Empire]. Stock 2. List 2/1. Dos. 1571–1573; List. 2/6. Dos. 5545, 5552.

Bély, L. (2021). Women in Diplomacy: The Ambassadors Seen by Friedrich Carl von Moser. In *The Intern. History Rev.* Vol. 44. No. 5, pp. 990–1003. DOI 10.1080/07075332.2021.1934071.

Borisov, Yu. V. (2002). Rets. na kn.: Kal'er F. Kakim obrazom dogovarivat'sya s gosudaryami [Review of the Book *On the Manner of Negotiating with Sovereigns* by F. Callières]. In *Novaya i noveishaya istoriya*. No. 5, pp. 240–243.

Hufton, O. (2000). Reflections on the Role of Women in the Early Modern Court. In *The Court Historian*. Vol. 5. No. 1, pp. 1–13. DOI 10.1179/cou.2000.5.1.001.

Kamer-fur'erskii tseremonial'nyi zhurnal 1750 goda. [The Camer Fourier Ceremonial Journal of 1750]. (1857). St Petersburg, Tipografiya Glavnogo upravleniya udelov. 160 p.

Kamer-fur'erskii tseremonial'nyi zhurnal 1783 goda. [The Camer Fourier Ceremonial Journal of 1783]. (1882). St Petersburg, Tipografiya Glavnogo upravleniya udelov. 748 p.

Kotova, E. V. (2023). Venskii reglament o rangakh diplomaticheskikh predstavitelei 1815 g.: prichiny prinyatiya i ego znachenie [Vienna Regulations on the Ranks of Diplomatic Representatives of 1815: Reasons for Adoption and Its Significance]. In *Istoriya. Elektronnyi nauchno-obrazovatel'nyi zhurnal*. Vol. 14. No. 9 (131). URL: <https://history.jes.su/s207987840028130-2-1/> (accessed: 01.12.2023). DOI 10.18254/S207987840028130-2

Kühnel, F. (2017). 'Minister-like cleverness, understanding, and influence on affairs': Ambassadors in Everyday Business and Courtly Ceremonies at the Turn of the Eighteenth Century. In Sowerby, T. A., Hennings, J. (Eds.). *Practices of Diplomacy in the Early Modern World c. 1410–1800*. L., Routledge, pp. 130–146.

Moser, F.-K. von. (2007). *Zhenshchina-posol i supruga posla: ikh prava* [Ambassador and the Ambassador's Wife: Their Rights] / transl. by E. N. Dayutova. Moscow, Nauchnaya kniga. 192 p.

Novikova, A. D. (2021). Ofitsial'naya diplomatiya i neformal'nye svyazi pri dvore Ekateriny II: posol'stvo Dzheimsa Garrisa v Rossiyu [Official Diplomacy and Informal Relations at the Court of Catherine the Great: James Harris's Embassy to Russia]. In *Novaya i noveishaya istoriya*. Vol. 65. No. 5, pp. 127–139. DOI 10.31857/S013038640014894-1.

Petrova, M. A. (2016). Opyt razresheniya tseremonial'nykh konfliktov do prinyatiya Venskogo reglamenta 1815 g. (po materialam rossiiskoi diplomaticheskoi perezpiski) [Practice of Resolving Ceremonial Conflicts before the Adoption of Vienna Regulations in 1815 (According to the Russian Diplomatic Sources)]. In *200 let venskoi sisteme: proekti i praktika evropeiskoi diplomatii. Materialy IX Konventa RAMI*. Moscow, MGIMO-Universitet, pp. 65–76.

PSZ [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Collection 1. Vol. 12.

RGIA [Russian State Historical Archive]. Stock 473. List 1–3.

Rondeau, J. W. (2016). *Pis'ma ledi Rondo, zheny angliiskogo rezidenta pri russskom dvore v tsarstvovanie imperatritsy Anny Ivanovny* [Letters from Lady Rondeau, the Wife of the English Resident at the Russian Court during the Reign of Empress Anna Ivanovna] / ed. by S. N. Shubinskii. Moscow, Izdatel'stvo Gosudarstvennoi publichnoi istoricheskoi bibliotek Rossii. 284 p.

Scott, H., Simms, B. (Eds.). (2007). *Cultures of Power in Europe during the Long Eighteenth Century*. Cambridge, Cambridge Univ. Press. 382 p.

Shikulo, M. I. (2019). Frantsuzskie posly pri inostrannykh dvorakh vo vtoroi polovine XVII – nachale XVIII v.: reprezentatsiya korolevskoi vlasti [French Ambassadors at the Foreign Courts in the Second Half of the 17th – Early 18th Centuries: The Representation of Royal Power]. In *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 8: Istoriya*. No. 6, pp. 25–42.

Shilov, D. N. (2022). The Service Records of Heads of Departments and Members of the State Council: The Problem of Source Reliability. In *Quaestio Rossica*. Vol. 10. No. 3, pp. 1104–1120. DOI 10.15826/qr.2022.3.718.

Smilyanskaya, E. (2020). Diplomaticheskii tseremonial pri dvore Ekateriny II [The Diplomatic Ceremonial at the Court of Catherine II]. In *Quaestio Rossica*. Vol. 8. No. 4, pp. 1255–1273. DOI 10.15826/qr.2020.4.526.

TNA. PRO. 30/43. Dos. 11, 19.

The article was submitted on 25.07.2023